

Сергий (Ляпидевский), митр. Московский. О приготовлении к пастырскому служению: (Из лекций по пастырскому богословию Сергия, митрополита Московского): [Об умственном приготовлении] // Богословский вестник 1902. Т. 3. № 9. С. 1–22 (2-я пагин.). (Окончание.)

О ПРИГОТОВЛЕНИИ КЪ ПАСТЫРСКОМУ СЛУЖЕНИЮ.

(Изъ лекцій по пастырскому богословию Сергія, Митрополита Московскаго).

А) Объ умственномъ приготовленіи.

Кто свыше призывается къ священству, тотъ, по мѣрѣ средствъ, долженъ приготовить себя къ принятію его. Тщательнаго приготовленія требуетъ самое достоинство свящ. сана, но особенно трудности сопряженныя съ нимъ, которыя не могутъ быть преобъждены безъ великаго искусства и предварительнаго навыка къ дѣлу, и, потому, побуждаютъ готовящагося къ священству не пренебрегать никакимъ средствомъ къ усовершенствованію себя. Такъ какъ приготовленіе къ священному сану раздѣляется обыкновенно на умственное и нравственное; то и мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность указать въ главныххъ чертахъ тѣ познанія, какія необходимы для пастыря, и раскрыть важнѣйшія нравственныя качества, какія должны украшать его сердце и безъ которыхъ нельзя стяжать имени добраго пастыря.

Что касается до приготовленія умственнаго, необходимость его очевидна съ перваго взгляда. Конечно нѣкоторыя священныя обязанности такъ нетрудны и просты, что ихъ даже и непросвѣщенный пастырь легко можетъ узнать и вѣрно исполнять. Таково, напр., совершеніе всѣхъ священныхъ обрядовъ, касающихся таинствъ и богослуженія; книга церковнаго устава, малый навыкъ, постоянная внимательность къ дѣлу,—вотъ и все, что требуется для того, чтобы при отправленіи богослуженія отклонить погрѣшности и опущенія. Но не такъ легки и удобоисполнимы другія свя-

щенническія обязанности. Когда мы представимъ пастыря, какъ учителя, отъ котораго ждутъ наставленій не одни младенцы, не одни неопытные и невѣжи, но и старцы, и люди, мудрые въ жизни внѣшней, образованные умомъ, то здѣсь естественно рождается вопросъ: такъ ли самъ пастырь образованъ, чтобы могъ принять на себя иго учительства, не боясь встрѣтить въ своей паствѣ учениковъ, превышающихъ свѣдѣніями учителя? Такъ ли онъ свѣдушъ, чтобы каждому желающему могъ дать наставленіе, соответствующее обстоятельствамъ и нуждѣ? Чтобы придти въ такое состояніе, очевидно, пастырю необходимо прежде озаботиться образованіемъ своего ума, запастись достаточными свѣдѣніями. Прекрасно выражается св. Григорій Богословъ о необходимости предварительнаго приготовленія къ дѣлу пастырскаго служенія: „Надобно прежде умудриться, потомъ умудрять; сначала стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ. Руководителю необходимы руки, совѣтнику потребно благоразуміе“. Казалось бы, что о необходимости умственного образованія пастырей и разсуждать послѣ этого не нужно, но въ отношеніи къ этому предмету есть два требующія вниманія недоумѣнія. Во-первыхъ, исторія священства показываетъ, что Богъ воздвигалъ нерѣдко такихъ пастырей, которые не получили почти никакого образованія и были просты умомъ: многіе взяты были отъ стада безсловесныхъ, другіе призваны отъ рыболовныхъ сѣтей. Подобные случаи, если не могутъ утвердить того, чтобы просвѣщеніе для пастырей было бесполезно; такъ по крайней мѣрѣ не указываютъ ли на то, что оно не всегда необходимо. И такъ какъ пастыри простые и необразованные умомъ были пастыри лучшіе; то не ближе ли къ духу истиннаго священства простота пастырей, чѣмъ ихъ образованность, особенно когда само Св. Писаніе, въ которомъ раскрытъ духъ истиннаго священства, написано при посредствѣ большею частію людей простыхъ и необразованныхъ. — Другое недоумѣніе представляетъ опытъ. Нельзя не сознаться, что нерѣдко пастыри простые больше могутъ принести пользы, чѣмъ многоученные. Примѣръ видимъ въ нашемъ отечествѣ: въ древнія времена пастыри, съ самымъ ограниченнымъ образованіемъ, имѣли больше вліянія на паству, удобнѣе и успѣшнѣе поддержи-

вали въ ней духъ истиннаго благочестія, были сами даже въ большемъ уваженіи, чѣмъ какъ все это видимъ нынѣ. Не слѣдуетъ ли отсюда, что въ пастырѣ, при доброй жизни и опытности, образование не приноситъ ничего и остается дѣломъ болѣе зависящимъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, а не необходимымъ. — Къ правильному рѣшенію перваго недоумѣнія ведетъ знаніе взаимныхъ отношеній между внѣшнимъ образованіемъ и благодатнымъ просвѣщеніемъ. Примѣры пастырей простыхъ и неученыхъ отнюдь не дѣлаютъ излишнимъ предварительнаго образованія умственнаго, точно такъ же, какъ исключенія не подрываютъ важности правила. Многіе изъ древнихъ пастырей были призваны къ пастырскому служенію чудеснымъ образомъ: но можно ли и нынѣ ожидать чудеснаго призванія, безъ опасенія, оскорбить такимъ ожиданіемъ Божій Промыслъ, всѣмъ управляющій по извѣстнымъ постояннымъ законамъ. Многіе великіе пастыри, прежде своего служенія, по недостатку средствъ образованія, были просты въ словѣ и знаніи, а когда призваны были къ дѣлу служенія, получили сугубые дары благодати, восполняющей оскудѣвающее: но теперь, когда открыты для всѣхъ средства просвѣщенія, должно ли пастырямъ оставаться невѣждами, для того будто бы, чтобы сподобиться сугубыхъ даровъ благодати? Не значить ли это искушать Господа, Раздаятеля духовныхъ даровъ?—Что касается до Св. Писанія, то оно отнюдь не отвергаетъ и не унижаетъ предварительнаго образованія пастырей, а напротивъ угрожаетъ гнѣвомъ Божиимъ за нерадѣніе о приобрѣтеніи нужныхъ познаній. Съ самаго начала священства Господь, какъ пишется въ книгѣ Левитъ (10, 10), заповѣдалъ пастырямъ, чтобы они знали, какъ *„отлучити между вещми святыми и скверными, между нечистыми и чистыми и устроить сыномъ Израилевымъ вся законная“*. Впослѣдствіи просвѣщеніе и знаніе Онъ поставилъ какъ бы отличительною чертою пастырей: *„Устнѣ іеревы сохраняютъ разумъ и закона взыщутъ отъ устъ его“*, а сынамъ Израилевымъ повелѣвалъ, чтобы они *„вопрошали закона іереевъ“*. Обязанность образованія содѣлалась еще болѣе важною для священства новозавѣтнаго, какъ по высшему достоинству этого новаго служенія, такъ и вообще по совершенству закона христіанскаго. Апостоламъ и конечно всѣмъ ихъ преемникамъ дано,

а слѣдовательно и повелѣно *вѣдати тайны Царствія Божія*. Апостоль Павель часто напоминаетъ о той же обязанности Тимоѳею. И если, въ чемъ конечно нѣтъ мѣста сомнѣнію, духъ Писанія дышитъ въ правилахъ и постановленіяхъ отцовъ Церкви, то можемъ указать на немалое число такихъ соборныхъ опредѣленій, которые прямо повелѣваютъ пастырямъ не только украшать себя святостію, но вмѣстѣ и познаніями. Весь гнѣвъ Божій падаетъ на тѣхъ нерадивыхъ пастырей, которые не пользуются способомъ идти и вести другихъ во святилище свѣта Божественнаго, и не только сами не входятъ, но своимъ невѣжествомъ другимъ замедляютъ путь туда. Пр. Іеремія называетъ измѣнниками тѣхъ священниковъ, которые *„держа законъ, не вѣдѣша Господа, и не рекоша, гдѣ есть Господь“*. Въ другомъ мѣстѣ Самъ Господь нерадѣніе о приобрѣтеніи нужныхъ познаній поставяетъ признакомъ того, что пастырь уже не можетъ достойно проходить своего званія: *„яко ты умѣніе отвергъ еси, отвергу и азъ тебе, еже не пророчествовати Мнѣ“*. Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы видѣть, что образованіе ума въ пастырѣ и приумноженіе полезныхъ свѣдѣній не осуждается, а одобряется Св. Писаніемъ, и слѣд. есть такое дѣло, которое ни въ комъ и никогда не можетъ быть излишнимъ.— Гораздо труднѣе рѣшить другое недоумѣніе, которое подкрѣпляется почти ежедневнымъ опытомъ. О томъ и спорить нельзя и это донинѣ повторяется, что пастыри простые, но благочестивые полезнѣе для паствы, нежели многученые, но еще не обучившіеся примѣрному житію. Но если смотрѣть безпристрастно на это явленіе, то откроется, что оно ни мало не служитъ къ униженію образованности въ пастырѣ и не дѣлаетъ ея излишнею и ненужною. Прямое заключеніе, вытекающее отсюда,—то, что благочестіе въ лицѣ пастыря, какъ и во всякомъ другомъ, важнѣе чѣмъ просвѣщенію ума, и что послѣднее поставлено въ зависимости отъ перваго. Но какъ вообще важнѣйшее не исключаетъ еще менѣе важнаго, по слову Спасителя, хотя сказанному совсѣмъ въ иномъ отношеніи: *„сія подобаше творити и оныя не оставляти“*; такъ и нравственныя качества не исключаютъ въ пастырѣ совершенствъ умственныхъ. Если исторія нашего отечества показываетъ, что въ древнія времена пастыри малообразованные болѣе были уважаемы и слѣд. болѣе

имѣли вліянія на жизнь общества, нежели нынѣ пастыри долго учащіяся и обладающіе обширными свѣдѣніями: это опять не служитъ къ униженію просвѣщенія въ пастырѣ. Надобно знать состояніе и духъ предковъ нашихъ, чтобы разгадать, отъ чего у нихъ пастыри пользовались большимъ уваженіемъ и вліяніемъ, чѣмъ какъ это видимъ нынѣ. Просвѣщеніе общественное стояло тогда на такой низкой степени, что самые необразованные церковнослужители почитались тогда людьми просвѣщенными и въ самомъ дѣлѣ цѣлою головою стояли выше большей части своихъ прихожанъ: И что пастыри того времени уважаемы были не какъ только предстоятели у престола Божія, но и какъ лучшіе наставники, какъ люди просвѣщенные,—примѣры этого часто представляетъ исторія. Кромѣ того, тогдашнее общество, не зная тонкостей порока и любя болѣе простоту добродѣтели, приучило себя болѣе уважать скромную и простую жизнь пастырей, нежели увлекаться къ осужденію недостатковъ, въ нихъ замѣчаемыхъ. Совсѣмъ не такое направленіе современнаго намъ общества. Правила нравственности нынѣ нерѣдко замѣняются требованіями свѣтскихъ приличій, простота и скромность жизни почитается удѣломъ людей недалекихъ по уму, добродушію языкъ мнимаго и своекорыстнаго остроумія хочетъ приписать значеніе глупости, отсталой отъ вѣка. Обществу, гдѣ господствуетъ такое направленіе, конечно будетъ не по духу и религиозное образованіе ума: представители такого общества думаютъ, что просвѣщеніе религиозное есть что-то особенное въ кругу общественнаго просвѣщенія, изъ чего для однихъ совсѣмъ нельзя сдѣлать никакого приложенія и что собственно можетъ служить незавидною принадлежностію одного только духовнаго сословія. Какого же уваженія къ себѣ могутъ ожидать пастыри отъ людей, разсуждающихъ такъ неуважительно о томъ, что составляетъ истинное украшеніе каждаго пастыря. Если встрѣчается священникъ добрый и простой; они оставляютъ его въ покоѣ, не потому, чтобы хотѣли поучаться его примѣромъ, а потому, что еще не утратили по крайней мѣрѣ того убѣжденія, что жизнь нравственная не подлежитъ суду человѣческому. Если узнаютъ въ пастырѣ челоуѣка не только добродѣтельнаго, но и просвѣщеннаго, они опять отказываютъ ему въ должномъ вниманіи подъ тѣмъ предлогомъ,

что плоды его просвѣщенія не подлежатъ ихъ разбору и суду. Конечно просвѣщеніе пастырей отъ подобной невнимательности ничего не теряетъ, но мы хотимъ указать на то, отчего пасомые въ просвѣщеніи пастырей мало пользы для себя находятъ. Но что же далѣе? Если пастыри истинно просвѣщенные уважаются въ современномъ намъ обществѣ не столько, какъ сколько надлежало бы этого ожидать; тѣмъ менѣе, значить, нынѣ могутъ быть уважаемы пастыри мало-просвѣщенные и простые. Слѣд. въ наше время быть можетъ болѣе, чѣмъ во всякое другое, нужно, чтобы пастыри прилагали всѣ усилія къ образованію своего ума. Кромѣ того надобно замѣтить, что вредъ ихъ невѣжества не ограничивается только утратою уваженія къ нимъ, но имѣетъ пагубное вліяніе на пасомыхъ. „Аще свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма колми“, сказалъ Спаситель. Ежели тѣ, которые поставлены быть свѣтомъ міру, сами не просвѣщены, то какой мракъ разливаясь будетъ на всѣхъ, которые думаютъ просвѣтиться свѣтомъ своихъ пастырей? Отсутствие достаточныхъ понятій о вѣрѣ между пасомыми, упадокъ благочестія, умноженіе разврата, затѣмъ беспорядокъ временный и погибель вѣчная—вотъ пагубныя, но неизбѣжныя слѣдствія невѣжества пастырей. Что касается до того замѣчанія, что многіе просвѣщенные священнослужители живутъ не такъ, какъ бы требовалъ ихъ санъ и духъ истиннаго просвѣщенія, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вина падаетъ не на священство, и не на просвѣщеніе, а на слабую волю человѣческую. „Не мечъ винять въ убійствѣ, замѣчаетъ св. Златоустъ, не вино въ пьянствѣ, не силу обвиняютъ за оскорбленіе, не мужество за безразсудную дерзость, но всѣ благоразумные люди обвиняютъ и наказываютъ употребляющихъ во зло дары Божіи. Посему худо распоряжающіеся въ дѣлѣ священства, по справедливости подвергнутся суду, ибо сами своевольно обезображиваютъ его своими нечистотами. Оттого и происходитъ, что къ дѣлу священства приступаютъ нерѣдко такіе люди, которые, по неопытности своей сами не видя пути, безчисленнымъ подвергаютъ паденіямъ и ввѣренный руководительству ихъ народъ“. Итакъ, не смотря на то, что просвѣщеніе не во всѣхъ пастыряхъ приноситъ прекрасные плоды свои, оно для всѣхъ нихъ остается дѣломъ необходимымъ; а въ на-

стоящія времена, когда средства обученія для всѣхъ доступны, служить важнѣйшимъ условіемъ къ достойному принятію свящ. сана. „Скажи мнѣ, ты считаешь за что-нибудь игру на свирѣли? А также считаешь за что-нибудь мудрость и быть мудрымъ? Что же назовешь лучшимъ?— Знаю, они будутъ добросовѣстны и скажутъ: мудрость выше искусства, но для пляски игра на свирѣли есть науки, еѣ учатся, тратятъ время, труды и усилія. А мудрость, которая все превосходитъ и заключаетъ въ себѣ всѣ блага въ совокупности, ужели почтемъ столь легкимъ и незатруднительнымъ дѣломъ, что стоитъ только захотѣть и можно быть мудрымъ. Большое невѣжество такъ думать“.

Показавъ необходимость просвѣщенія въ пастырѣ, мы должны обратить вниманіе и на предметы, которые входятъ въ кругъ его просвѣщенія. Вопросъ въ томъ, одно ли богословское образованіе нужно священнику, или онъ обязанъ простирается за предѣлы изысканій религіозныхъ въ область наукъ свѣтскихъ. Въ наше время есть не мало просвѣщенныхъ людей, которые утверждаютъ, что для пастыря Церкви вполне достаточно одного богословскаго образованія: „Ученыя занятія священника — говорятъ эти люди — должны имѣть два предмета: первый тотъ, для котораго Богъ поставилъ его въ мірѣ, именно собственное спасеніе, а второй тотъ, для котораго Господь допустилъ его въ свое святилище—спасеніе ближнихъ. Всякій другой предметъ не заслуживаетъ его нарочитаго изученія. Науки умозрительныя, питающія одну любознательность, недостойны его трудовъ, которые такъ, какъ и онъ самъ, принадлежатъ его званію: они должны быть посвящаемы Богу. Онъ становится виновнымъ противъ Церкви, на служеніе которой призванъ, когда обращаетъ ихъ (т. е. труды свои) къ предметамъ постороннимъ. Онъ дѣлается Надавомъ, Авідомъ, влагающимъ чуждый огонь въ камины, изъ которой долженъ восходить чистый еиміамъ Господу. Священникъ бываетъ празднымъ не тогда только, когда онъ ничего не дѣлаетъ, но и тогда, когда дѣлаетъ то, что не должно. Какую пользу приносятъ ему или его паствѣ всѣ его познанія, не относящіяся къ его званію? Не будутъ ли они скорѣе вредны и для него и для пасомыхъ, если онъ станетъ тратить на нихъ время, которое бы долженъ былъ употребить на необ-

ходимыя наставленія? И когда на послѣднемъ судѣ потребуютъ у него отчета въ употребленіи дарованнаго ему времени, можетъ ли онъ сказать въ свое оправданіе, что это время употреблено имъ на изученіе предметовъ, вовсе не относящихся къ его служенію.—Нельзя не сознаться, что эти мысли внушены духомъ ревности о томъ, чтобы показать настоящимъ и будущимъ пастырямъ важность богословскаго образованія; но вмѣстѣ и нельзя не замѣтить, что эта ревность выходитъ за предѣлы строгой умѣренности. Что главная цѣль пастырскихъ занятій есть спасеніе свое и ближнихъ, направляемое къ славѣ Божіей и ко благу Церкви, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что благоразумный пастырь не долженъ упускать изъ виду ни одного позволительнаго средства, которымъ можно сколько нибудь содѣйствовать спасенію ближнихъ и распространенію славы Божіей на землѣ. Главныя и важнѣйшія къ тому средства въ рукахъ пастыря суть Св. Писаніе и писанія отцевъ Церкви: первое, поскольку оно содержитъ исторію нашего спасенія и открываетъ путь къ нему; послѣднія, поскольку руководятъ къ правильному разумѣнію Писанія и служатъ лучшими хранителями перк. преданій. Отсюда вниманіе священника главнымъ образомъ должно быть обращено на Св. Писаніе: это, если можно такъ сказать, есть стихія, которою истинный пастырь долженъ жить и дышать. Потому и соборы, и учителя Церкви побуждаютъ пастырей къ тщательному изученію Св. Писанія. На седьмомъ вселенскомъ соборѣ постановлено, чтобы тотъ только былъ рукополагаемъ въ санъ священникъ, кто хорошо знаетъ все Божественное Писаніе, и не просто, но со „испытаніемъ“. А бл. Іеронимъ писалъ къ Непоціану: „читай чаще Св. Писаніе; пусть оно никогда не выходитъ изъ твоихъ рукъ“. Но занимаясь постоянно Св. Писаніемъ, священникъ долженъ находить время и для чтенія твореній отеческихъ: отцы должны быть также постоянными его собесѣдниками и наставниками, у которыхъ онъ всегда благонадежно можетъ искать совѣта и наученія къ рѣшенію затруднительныхъ вопросовъ и обстоятельствъ, встрѣчающихся на поприщѣ его служенія.

Голосъ св. Отцевъ есть голосъ православія. Но ужь конечно не изъ писаній отеческихъ заимствована мысль, будто

науки умозрительныя, питающія одну любознательность, не достойны трудовъ пастыря. Мы совсѣмъ противное этому видимъ въ дѣйствіяхъ и словахъ отцевъ Церкви. Они не только не были врагами наукъ умозрительныхъ и опытныхъ, а напротивъ сами занимались прилежно, или совѣтовали другимъ изучать ихъ, и въ своихъ твореніяхъ оставили ясныя слѣды своихъ глубокихъ познаній по части тѣхъ и другихъ. Чтобы не распространяться далеко, укажемъ на тѣхъ отцовъ, голосъ и примѣръ которыхъ болѣе другихъ уважается. Въ этомъ отношеніи поучителенъ св. Григорій Богословъ. Въ твореніяхъ его мы нерѣдко встрѣчаемъ указаніе на то, что онъ самъ съ полнымъ тщаніемъ занимался науками свѣтскими — словесными и философскими. „Я первый изъ любителей Мудрости,—говоритъ онъ о себѣ самомъ. Я никогда не предпочту этому занятію чего либо другого, дабы Сама Мудрость не назвала меня жалкимъ, какъ учителя мудрости и образованія“. А въ первомъ обличительномъ словѣ на Юліана, обращая въ упрекъ этому врагу Церкви злое его намѣреніе отклонить христіанъ и въ особенности пастырей Церкви отъ занятій словесными науками, святитель Божій говоритъ: „я долженъ обратить слово мое къ словеснымъ наукамъ, я не могу не возвращаться часто къ нимъ: надобно защитить ихъ по возможности. Много сдѣлалъ богоотступникъ такихъ несправедливостей, за которыя онъ достоинъ ненависти; но если въ чемъ, то особенно, кажется, въ этомъ онъ нарушилъ законы. Да раздѣлять со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать. Ибо все прочее оставилъ я другимъ, желающимъ того, оставилъ богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ — все что кружится на землѣ и услаждаетъ людей, не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собой—искусство слова и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О когда бы и я, и всякій мой другъ могли владѣть силою слова. Вотъ первое, что возлюбилъ я и люблю послѣ первѣйшаго, т. е. Божественнаго и тѣхъ надеждъ, которыя выше всего видимаго“. Василиій Великій также съ неменьшимъ тщаніемъ занимался свѣтскими науками и въ изученіи ихъ пошелъ далѣе, нежели другъ его—Григорій

Богословъ. Этотъ любилъ болѣе науки умозрительныя; тотъ изучалъ и опытыя. Послушаемъ, что рассказываетъ св. Григорій Богословъ о своемъ другѣ въ похвальномъ ему словѣ. „Какого рода наукъ не проходилъ онъ, или, лучше сказать, въ какомъ родѣ наукъ не успѣлъ онъ съ избыткомъ? Такъ изучилъ онъ все, какъ другой не изучаетъ и одного предмета; каждую науку изучилъ онъ до такого совершенства, какъ бы ни учился ничему другому. Кто сравнится съ нимъ въ ораторствѣ, дышащемъ силою огня, хотя правами и не подходилъ онъ на риторовъ? Кто подобно ему приводитъ въ надлежащія правила грамматику или языкъ, сводитъ исторію, владѣетъ мѣрами стиха, даетъ законы стихотворству? Кто былъ такъ силенъ въ философіи дѣйствительно возвышенной и простирающейся въ горнее, т. е. въ дѣятельной и умозрительной, а равно и въ той ея части, которая занимается логическими доводами и противоположеніями, а также состязаніями и называется діалектикой? Ибо легче выйдти изъ лабиринта, нежели избѣжать сѣтей его слова, когда онъ находилъ это нужнымъ. Изъ астрономіи же, геометріи и науки объ отношеніи числа изучивъ столько, чтобы искусные въ этомъ не могли приводить его въ замѣшательство, отрицалъ онъ все излишнее, какъ бесполезное для желающихъ жить благочестиво. Врачебную науку, этотъ плодъ любомудрія и трудолюбія, сдѣлали для него необходимою и собственные тѣлесные недуги и хожденіе за больными; начавъ съ послѣдняго, дошелъ онъ до навыка въ искусствѣ, и изучилъ въ немъ не только касающееся видимаго и долу лежащаго, но и собственно относящееся къ наукѣ и любомудрію. Въ такой степени пріобрѣлъ онъ все сіе: это былъ корабль, столько нагруженный ученостью, сколько это вмѣстительно для человѣческой природы.“—Не менѣе извѣстенъ своимъ образованіемъ и св. Іоаннъ Златоустъ. Онъ учился краснорѣчію у знаменитаго въ его время оратора Ливанія,—и успѣхи его были такъ быстры и удивительны, что онъ скоро превзошелъ въ силѣ краснорѣчія своего учителя. Извѣстно, что когда при смерти Ливанія спросили его друзья его, кого бы желалъ онъ имѣть своимъ преемникомъ, онъ отвѣчалъ: „я бы охотно избралъ Іоанна, если бы христіане не похитили его у насъ“. Философіи учился св. Златоустъ у Андрагонія,—и правиль-

ность его сужденій, равно какъ острота въ состязаніяхъ полемическихъ ясно показываютъ, что и на этомъ поприщѣ дошелъ до совершенства.—Но не примѣромъ только своимъ великіе святители поддерживали занятіе свѣтскими науками, но и прямо ободряли они тѣхъ, которые посвящали трудъ и время этимъ наукамъ. Такъ св. Василій Великій, совѣтуя христ. юношамъ не оставлять языческихъ писателей, предписываетъ правила, какъ пользоваться ими. А св. Григорій Богословъ называетъ глупыми тѣхъ невѣждъ, которые презираютъ внѣшнюю ученость, и достоинства ея представляетъ такъ: „полагаю, что всякій, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и ученость внѣшнюю, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога.“ Но мы не станемъ тварь возставлять противъ Творца: заимствовавъ въ наукахъ изслѣдованія и умозрѣнія, мы отрицаемъ все то, что ведетъ къ демонамъ, къ заблужденію и въ глубину погибели. Не должно унижать ученость, какъ рассуждаютъ объ этомъ нѣкоторые, а напротивъ надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество“. Св. Златоустъ, въ IV-мъ словѣ о священствѣ, представляя въ примѣрѣ образованность Ап. Павла, совѣтуетъ каждому, готовящемуся къ этому сану, упражняться въ словесномъ искусствѣ, и невѣжество въ этомъ отношеніи почитаетъ пустымъ извиненіемъ лѣности и нерадѣнія. Не должно опускать безъ вниманія и того, что многіе отцы Церкви между своими твореніями оставили труды и по части наукъ свѣтскихъ. Такъ Григорій Богословъ и Григорій Нисскій, а еще прежде Іустинъ извѣстны, какъ философы; Василій Великій былъ въ свое время глубокимъ естествоиспытателемъ; Іоаннъ, за силу краснорѣчія, названъ Златоустомъ; бл. Августинъ между прочимъ извѣстенъ какъ теоретикъ краснорѣчія. Вообще всѣ творенія св. Отцовъ показываютъ, что они не чужды были свѣтской учености. Заключение отсюда прямое: если пастыри нынѣшняго

времени должны слѣдовать древнимъ отцамъ, какъ образцамъ своимъ, то они по крайней мѣрѣ изъ подражанія, не должны презирать внѣшняго образованія.

Но внѣшняя образованность не только не служитъ къ униженію богословскаго образованія, а напротивъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть въ рукахъ пастыря вспомогательнымъ средствомъ къ достиженію его цѣлей. Въ мірѣ языческомъ наука враждовала противъ религіи, но и тогда благоразуміе умѣло призвать первую на служеніе послѣдней. „Мы извлекали, говоритъ св. Григорій Богословъ, изъ наукъ полезное даже для самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія“. Тѣмъ лучше надобно думать о наукахъ, процвѣтающихъ въ мірѣ христіанскомъ. Появляются и нынѣ мужи, которые, посвятивъ себя наукамъ, повидимому вовсе далекимъ отъ области религіи, даютъ имъ часто религіозное направленіе. Особенно это должно сказать объ астрономіи, гдѣ многія изслѣдованія направлены къ созерцанію Премудрости Божественной. Но кромѣ этой науки есть много другихъ, которыя, расширяя кругъ вѣдѣній въ пастырѣ, этимъ самымъ способствуютъ ему къ болѣе глубокому уразумѣнію истинъ христіанскихъ и къ болѣе ясному изложенію ихъ въ наставленіяхъ, предлагаемыхъ пасомымъ. Въ этомъ отношеніи особенно представляются нужнымъ пастырю науки философскія. Безъ изученія ихъ пастырь даже при богатствѣ естественныхъ дарованій и даже при способности изъясняться пріятно и убѣдительно,—можетъ впасть самъ и ввести другихъ въ заблужденіе. Умъ, логически образованный, вездѣ нуженъ и тѣмъ болѣе въ пастырѣ. Кромѣ того пастырь и прямо иногда бываетъ обязанъ разсуждать съ образованнѣйшими изъ членовъ своей паствы о различныхъ предметахъ знанія человѣческаго и объ отношеніи ихъ къ участи нашей,—а для этого необходимо онъ долженъ знать ихъ по крайней мѣрѣ въ той степени, чтобы быть въ состояніи судить объ нихъ. Потомъ надобно вспомнить только о пользѣ психологіи для пастыря, чтобы остеречься отъ произнесенія приговора, будто всѣ науки умозрительныя для пастыря бесполезны. Жалокъ пастырь, который не знаетъ даже самыхъ общихъ свойствъ, потребностей и слабостей природы человѣческой; но безъ ученія психологіи его поня-

тія о природѣ человѣческой будутъ самыя скудныя и сбивчивыя. Врачу тѣлесному вмѣняютъ въ обязанность знаніе фізіологіи, анатоміи, патологіи: можно ли для врача духовнаго почитать дѣломъ постороннимъ и излишнимъ изученіе науки о душѣ человѣческой. Конечно не всѣ науки столько полезны пастырю, какъ психологія; но и нѣтъ ни одной науки, которую можно было бы назвать совершенно бесполезною для него. Особенно здѣсь нужно смотрѣть на пастыря, какъ на защитника религіи и противоборника заблужденій. Чтобы успѣшнее бороться съ заблужденіями, нужно преслѣдовать ихъ въ самомъ ихъ источникѣ. Извѣстно, что въ кругу свѣтскаго образованія ничто не остается неподвижнымъ: теоріи падаютъ, убѣжденія старѣютъ, новые выводы взаимно противорѣчатъ и постоянно видоизмѣняются. Отсюда рождаются различныя убѣжденія, особенно по части литературы и философіи, которыя принимаются почти всѣми, и очень многими не по ясному убѣженію въ ихъ истинности, а по увлеченію ихъ современностью. Дѣло пастыря—слѣдить за ходомъ современнаго просвѣщенія, чтобы имѣть въ готовности отвѣтъ и защиту противъ проповѣдниковъ ложныхъ воззрѣній. Что касается до убѣжденій, противныхъ духу православія, то и они большею частію опираются на предубѣжденія, близкихъ къ той или другой наукѣ: потому и оружіе противъ нихъ иногда заключается въ той самой наукѣ, изъ которой противники хотятъ извлечь опору для нихъ. Это замѣтилъ въ свое время св. Златоустъ и потому признавалъ нужнымъ для пастыря знаніе даже такихъ наукъ, которыя повидимому вовсе не имѣютъ отношенія къ пастырскимъ обязанностямъ. „Различная, говоритъ онъ, и многообразная предстоить намъ брань противъ различныхъ враговъ, которые всѣ не однимъ и тѣмъ же оружіемъ сражаются и не однимъ и тѣмъ же искусствомъ хотятъ поразить насъ. Тому, кто со всѣми ими долженъ сражаться, нужно быть свѣдующимъ во всѣхъ наукахъ. Онъ долженъ быть искуснымъ копьеметателемъ и пращикомъ, начальникомъ полка и малаго отряда, сражаться какъ воинъ и военачальникъ, дѣйствовать пѣшимъ и коннымъ, на морѣ и подъ стѣнами. Нужно, чтобы онъ былъ свѣдущъ во всѣхъ частяхъ воинскаго искусства“,—Предлагая здѣсь свои убѣжденія, мы впрочемъ не думаемъ вмѣнять каждому пастырю

въ обязанность знаніе свѣтскихъ наукъ, а только хотимъ показать, что внѣшнее образованіе въ дѣлѣ служенія пастырскаго отнюдь не есть огонь чуждый, приносимый во святилище. Область наукъ есть область свободы; онѣ столько же терпятъ принужденія и рабства, сколь мало сами порабащаютъ себя чловѣческую свободу. Одинъ посвящаетъ себя на изученіе какой либо науки, по внутреннему къ ней расположенію, другой приводится къ ея изученію внѣшними обстоятельствами. Эта свобода ученыхъ занятій должна-ли быть воспрещаема лицамъ духовнаго званія? Не думаемъ: „*кѣйждо свое дарованіе имать, овъ убо сице, овъ же сице*“; примѣняя это замѣчаніе апостольское къ умственнымъ стремленіямъ въ пастырѣ, найдемъ совершенно законнымъ, если онѣ не подавляютъ въ себѣ стремленія къ занятіямъ той или другою наукою. Съ другой стороны нерѣдко случается, что самое мѣсто служенія требуетъ, а образъ жизни позволяетъ, чтобы пастырь обратилъ особенное вниманіе на ту или другую область чловѣческаго вѣдѣнія. Въ каждомъ занятіи надобно смотрѣть на предметъ и цѣль. Предметомъ ученыхъ изысканій пастыря всегда есть истина, а служеніе истинѣ никогда и ни для кого не предосудительно. Цѣль пастырскихъ занятій всегда должна быть духовная подъза общества, въ которомъ онѣ живеть и которому служить: посему никакой ученый трудъ его не можетъ быть обращенъ въ укоризну, какъ скоро онѣ не совсѣмъ чужды этой пользы.

Всю свѣтскую образованность нѣкоторые не столько почитаютъ полезною для умовъ утвердившихся на пути истины и добра, сколько вредною для душъ неопытныхъ. Не отвергая того, что свѣтская ученость можетъ иногда обратиться во зло, мы полагаемъ, основываясь на опытѣ, что опасность отъ нея менѣе угрожаетъ пастырямъ Церкви, чѣмъ кому-либо другому. Пока готовящіеся быть пастырями проходятъ приуготовительный періодъ времени, занятія науками свѣтскими не могутъ быть обращены во зло ихъ неопытноію; потому что опытность наставниковъ и религіозный методъ образованія даетъ надлежащее направленіе всѣмъ ихъ трудамъ. А какъ скоро изъ жрецовъ науки они переходятъ въ служителей храма, то самый санъ этотъ свидѣтельствуеть уже о ихъ собственной опытности, крѣпости

силъ и надлежащемъ развитіи ихъ. Слѣдую заповѣди апостольской, чтобы все искушать и только доброе держать, они могутъ не опускать безъ вниманія ни одного новаго явленія, ни одного успѣха въ мірѣ ученюмъ. Подобно искуснымъ искателямъ драгоценностей въ нѣдрахъ земли, или въ волнахъ моря, они безбоязненно могутъ опускаться въ глубины свѣтской учености, чтобы извлечь оттуда перлы для обогащенія своего ума и для удобнѣйшаго назиданія пасомыхъ. Послѣ сего неудивительно, что лучшими пастырями Церкви Божіей, какъ показываетъ исторія священства, были мужи просвѣщенные науками, — а тѣмъ болѣе они принесли пользы Церкви, чѣмъ болѣе успѣли во всѣхъ родахъ просвѣщенія.

Главное, что нужно помнить каждому пастырю, занимающемуся свѣтскими науками и причѣмъ только и могутъ быть не предосудительны и полезны занятія ими, состоитъ въ томъ, чтобы не почитать ихъ цѣлю трудовъ, но видѣть въ нихъ только вспомогательное средство къ расширенію духовнаго образованія. Жрецы науки трудятся для самой науки, — и они правы: потому что область истины священна, — и трудиться въ ней и для нея есть черта безкорыстнаго и благороднаго человѣка. Но отъ пастыря требуется болѣе. Если онъ много сдѣлаетъ для науки, но ничего для Церкви; справедливость требуетъ сказать, что онъ, хотя и доброе дѣло дѣлалъ, но своему призванію оказался невѣренъ. Слѣд. пастырь тогда спокойно можетъ продолжать свои ученыя занятія, когда надѣется, при посредствѣ ихъ, принести сугубую пользу Церкви. Вообще онъ долженъ быть непристрастнымъ приверженцомъ той или другой науки, а трудолюбивою пчелой (употребимъ сравненіе св. Григорія Богослова), которая собирая сладкій сокъ и съ горькихъ цвѣтовъ, несетъ его не въ чуждое какое нибудь влагалище, но въ собственное свое жилище. Подобно этому и пастырь истинный, хотябы и приведенъ былъ обстоятельствами или внутреннимъ расположеніемъ къ трудамъ по той или другой наукѣ, всѣ свои успѣхи долженъ обращать къ чести и пользѣ Церкви, на служеніе которой призванъ.

Здѣсь, къ мѣсту замѣтить, что крайне заблуждаютъ тѣ священники, которые, какъ скоро, по окончаніи приуготовительнаго воспитанія, принимаютъ санъ священства, вообра-

жають, что имъ болѣе не нужны ученныя занятія: они полагають конецъ своимъ занятіямъ ученымъ въ то время, когда бы особенно должны были усугубить прилежаніе. Извѣстная пословица— „*ars longa, vita brevis*“, болѣе, чѣмъ для кого другого, должна быть важна и памятна для пастырей Церкви, которыхъ просвѣщеніе должно быть обширнѣе и многосложнѣе, чѣмъ ихъ пасомыхъ, но которыхъ жизнь такъ же кратковременна и исполнена большихъ трудовъ, въ сравненіи вообще съ жизнью человѣческою. Священникъ, бросившій ученныя занятія, походитъ на судью, который, получивъ власть, думаетъ, что ему бесполезно и ненужно изученіе законовъ и предаваясь безпечности неизбѣжно впадетъ въ ошибки. Никакія извиненія не могутъ оправдать пастыря, который не заботится объ усовершенствованіи своего ума и объ обогащеніи себя полезными свѣдѣніями. Станетъ ли кто жаловаться на недостатокъ времени по причинѣ множества пастырскихъ обязанностей? Но развѣ мало занимались должностію пастыря тѣ великіе учителя, Златоустъ, Афанасій, Григорій, Августинъ, которые среди разнообразныхъ и постоянныхъ трудовъ своихъ находили еще время писать свои полезныя для Церкви творенія? Вообще труды пастырскіе не столь еще велики, особенно при настоящемъ порядкѣ дѣлъ, чтобы послѣ ихъ совсѣмъ не оставалось свободнаго времени. Для священника, благоразумно пользующагося временемъ, самое разнообразіе занятій служить отдохновеніемъ: тихія занятія науками успокоиваютъ духъ его отъ трудовъ его служенія, нерѣдко требующихъ усильнаго напряженія силъ духовныхъ и тѣлесныхъ; а обязанности пастырскаго служенія освобождаютъ умъ его отъ бремени долговременнаго размышленія. Нѣкоторые стараются освободить себя отъ ученыхъ занятій своею неспособностію или нерасположеніемъ къ нимъ: но нерасположеніе къ нимъ недостойно и унизительно для сана пастырскаго; а неспособность вознаграждается прилежаніемъ и потому должна служить новымъ постояннымъ побужденіемъ къ занятіямъ, а не отталкиваніемъ отъ нихъ. Но большая часть священнослужителей, къ сожалѣнію, старается извинить свою любовь къ праздности и невѣжеству недостаткомъ книгъ и недостаткомъ доходовъ, чтобы пріобрѣсти ихъ. Что въ настоящее время легко можно найти всѣ нужныя книги, про-

тивъ этого также нельзя спорить, какъ и противъ того, что доходы священнослужителей большею частію скудны. Пусть священникъ бѣденъ, но онъ всегда можетъ найти средства, чтобы по крайней мѣрѣ не терять изъ памяти того, что пріобрѣтено въ школѣ. Однѣ церковныя библіотеки, которыя нынѣ постепенно обогащаются, служатъ безмолвнымъ обличеніемъ противъ священнослужителей нерадивыхъ и невѣжественныхъ. Чѣмъ извинить пастыря, у котораго паству составляютъ семейства образованныхъ, имѣющія достаточный запасъ умныхъ книгъ, но который самъ не хочетъ пользоваться этими средствами просвѣщенія, хотя конечно имѣетъ къ тому полную возможность? Такимъ образомъ всѣ оправданія въ безопасности о самоусовершенствованіи не основательны, и онѣ еще тѣмъ представляются ничтожныѣе, что пастыри, которые не заботятся объ образованіи своего ума, бывають обыкновенно пастырями нерадивыми въ исполненіи своихъ обязанностей, невѣрными своему призванію, наемниками, а не истинными пастырями. Каждый молодой пастырь особенно долженъ напечатлѣть въ своей памяти, что эти непродолжительныя и легкія занятія, которыя составляютъ пріуговленіе къ принятію св. сана, должны служить только предверіемъ къ занятіямъ къ болѣе глубокимъ и болѣе постояннымъ.

Въ кругу познаній, которыя пастырь на поприщѣ своего служенія постепенно долженъ расширять и приумножать, едва ли не первое послѣ богословскихъ свѣдѣній мѣсто должны занять опытыя наблюденія надъ состояніемъ врученной ему паствы. Предметами такихъ наблюденій могутъ служить—умственное состояніе пасомыхъ, степень ихъ просвѣщенія, господствующій образъ мыслей, понятія, различные предразсудки, повѣрья; далѣе—нравственное состояніе пасомыхъ—обычай и нравы, между ними господствующіе, пороки имѣющіе большую силу, образъ поведенія пасомыхъ, не только по отношенію къ религіи и Церкви, но и къ общественному и частному быту ихъ; наконецъ — собственно внѣшнее состояніе ихъ, какъ-то: родъ жизни и занятія, домашнее благосостояніе; злоключенія, ихъ постигающія и т. п. Необходимость такого рода познаній утверждается существомъ самаго дѣла. Священникъ есть пастырь словеснаго стада, но и пастырь стада безсловеснаго старается узнать

инстинктивные навыки, расположенія и даже капризы каждаго животнаго, чтобы тѣмъ удачнѣе пешишь о немъ, превращать вредъ, къ которому влечетъ его неразуміе, и доставлять то, что болѣе служить ему на пользу. Священникъ есть отецъ своей паствы: но первая забота отца о своихъ дѣтяхъ состоитъ въ томъ, чтобы благовременно и заранее узнавать ихъ наклонности, недостатки, огорченія, дабы дать каждому приличное воспитаніе, принять мѣры исправительныя, доколѣ душа не укрѣпилась въ превратномъ направленіи, въ свое время удовлетворить нуждамъ или подать соотвѣтственное возрасту утѣшеніе. Священникъ есть врачъ своей паствы: какой же врачъ возьмется лечить больного не распознавши предварительно его болѣзни, не разсмотрѣвъ особенныхъ свойствъ его души и тѣла, не сообразивъ обстоятельствъ, злокачественно дѣйствующихъ на его состояніе? Священникъ есть наставникъ своей паствы: но каждый наставникъ тѣмъ болѣе достоуважаемъ, тѣмъ лучше успѣваетъ въ своихъ ученикахъ, чѣмъ больше имѣетъ навыка приспособляться къ удобопріемлемости каждаго изъ нихъ, чѣмъ глубже проникаетъ въ ихъ сердце и душу. Священникъ есть судія своихъ пасомыхъ: чтобы произнести справедливый приговоръ, для сего недостаточно знать только наружный ходъ дѣла, но надобно сообразить и внѣшнее состояніе подсудимаго и, если можно, войти во внутреннее положеніе души его, изслѣдовать прежній образъ его жизни, взвѣсить мѣру его нравственнаго поврежденія. Правда, что главная цѣль жизни у всѣхъ пасомыхъ одна: но не одинаковымъ образомъ можно руководить всякаго къ сей цѣли. Хотя истина такъ сильна, что говоритъ сама за себя и нерѣдко безъ пособій искусства открываетъ доступъ къ сердцу: но и сердце человѣческое имѣетъ также свои стороны, съ которыхъ этотъ доступъ бываетъ болѣе или менѣе удобенъ, судя по особеннымъ наклонностямъ и по степени образованія поучаемыхъ. „Однихъ говоритъ св. Григорій Богословъ, назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, для другихъ узла. Для однихъ полезна похвала, для другихъ укоризна; но та и другая во время, ибо безъ времени и основанія онѣ вредятъ. Однихъ исправляетъ увѣщаніе, другихъ выговоръ; однихъ полезно побѣждать; отъ другихъ часто полезнѣе быть самому побѣжденнымъ; и хвалить или

осуждать должно—у иного достатокъ или могущество, а у другого нищета или разстройство дѣлъ“. Вотъ сколь разнообразны должны быть тѣ дѣйствія, въ которыхъ пастырь обязанъ выражать свое благотворное вліяніе на пасомыхъ, и нечего распространяться о томъ, что такое разнообразіе будетъ невозможно безъ опытнаго, вѣрнаго и подробнаго познанія пасомыхъ. Но при всей необходимости своей правильное и полное познаніе пасомыхъ есть дѣло весьма трудное для пастыря. Духовная природа человѣка въ своей дѣятельности такъ разнокачественна, а иногда и таинственна, что нерѣдко встрѣчаются люди, которые не только для другихъ, но даже для самихъ себя составляютъ неразрѣшимую загадку. А пастырь обязанъ не на нѣкоторыхъ только, но на всѣхъ членовъ своей паствы обращать испытательный взоръ свой. Какая же нужна пронизательность взгляда, чтобы проникнуть въ душу каждаго, какое терпѣніе, чтобы изучить и сообразить всѣ нерѣдко взаимно противорѣчащія явленія въ жизни одного человѣка, какое безпристрастіе, чтобы на основаніи частныхъ наблюденій утвердить безошибочныя заключенія о характерѣ и нравственномъ состояніи человѣка. „Какое различіе, говоритъ св. Григорій Богословъ, между вступившими въ супружество и безбрачными; между опытными и преуспѣвшими въ созерцаніи, и между тѣми, которые просто исполняютъ должное; между городскими и сельскими жителями, между простосердечными и хитрыми, между занятыми дѣлами и живущими праздно, между претерпѣвшими измѣну счастья и благоуспѣшными, не встрѣчавшими неудачъ? Всѣ такіе разнятся между собою желаніями и стремленіями иногда болѣе, нежели сколько различны они по тѣлесному виду,—и потому не легко имѣть надъ всѣми смотрѣніе“. „Что касается до грѣховъ людскихъ, присовокупляетъ св. Златоустъ, то наставникъ не имѣеть возможности знать и малѣйшей части ихъ. Ибо какимъ образомъ онъ можетъ знать ихъ, когда большей части подчиненныхъ своихъ онъ не знаетъ и по виду. Съ какимъ неудобствомъ сопряжена обязанность пастыря въ отношеніи къ народу“. Для отклоненія всѣхъ препятствій и неудобствъ, пастырь долженъ употреблять нѣкоторые особенные способы къ болѣе обширному и болѣе правильному познанію состоянія членовъ своей паствы. Въ

этомъ отношеніи полезна близость пастыря къ своей паствѣ. Онъ долженъ входить въ дома своихъ пасомыхъ не тогда только, когда его зовутъ, но и тогда когда его совѣмъ не ждуть, но входить не изъ корысти, какъ это большею частію бываетъ, а по участію и благожеланію. Какъ скоро узнаютъ пасомые чистоту намѣреній пастыря, они сами отворяютъ ему дверь. Пребывая у нихъ въ домѣ, священникъ съ достоинствомъ безъ высокомерія, съ участіемъ отъ сердца можетъ проникать въ житейскій бытъ, смотрѣть, царствуетъ ли миръ и порядокъ въ ихъ домѣ, согласны ли между собою супруги, занимаются ли родители воспитаніемъ дѣтей, послушны ли дѣти. Потомъ, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни можетъ перейти ко внутреннему религіозному состоянію ихъ души, можетъ начать съ ними рѣчь о предметахъ вѣры. (Обнаруживая недостатки и грѣхи, священникъ не долженъ самъ терять спокойствія духа и показывать себя гнѣвливымъ и раздражительнымъ; но терпѣніемъ и благо-снисходительностію привлекать къ себѣ заблуждающихъ и возбуждать въ нихъ къ себѣ довѣренность и охоту слушать слова его и слѣдовать имъ. Болѣе всего долженъ онъ беречься высокомерія въ обращеніи съ людьми низшаго сословія. Его гордость произведетъ въ нихъ боязнь, ненависть и закроетъ навсегда ихъ душу отъ его испытательнаго взора.

Онъ не долженъ оставлять изученія той науки, которая вводитъ въ познаніе различныхъ видоизмѣненій духовной жизни человѣка. Упражняясь въ изслѣдованіи началъ внутреннихъ, законовъ и силъ, служащихъ основою свободной дѣятельности человѣка, пастырь чрезъ это изошряетъ силу наблюдательности собственной и тѣмъ правильнѣе научается судить о частныхъ явленіяхъ въ нравственной жизни того или другого члена своей паствы. Но такъ какъ явленія жизни человѣческой внутренней и внѣшней особенно при настоящемъ направленіи общественнаго просвѣщенія, содѣлались предметомъ множества сочиненій: то въ этомъ обстоятельствѣ пастырь долженъ видѣть новое побужденіе къ тому, чтобы время, остающееся отъ его текущихъ и необходимыхъ занятій по должности, посвящать чтенію книгъ. Къ познанію сердца человѣческаго и внѣшней общественной жизни преимущественно ведутъ сочиненія этнографич-

ческія и статистическія, особенно когда они касаются именно той страны, гдѣ находится приходъ пастыря. Но нагдѣ такъ ярко и такъ подробно не очерчивается жизнь чело-вѣка ежедневная, какъ въ произведеніяхъ свѣтской лите-ратуры: можно сказать, что здѣсь вся черная сторона этой жизни представляется, какъ въ панорамѣ. Не только раз-рушительныя увлеченія страстей, но и самыя даже отгѣнки тайныхъ движеній сердца изображаются тамъ въ ихъ под-линномъ видѣ. Если что можно поставить въ вину нашей современной литературѣ, избирающей по преимуществу яв-ленія жизни обыкновенной предметомъ своимъ, такъ это именно то обстоятельство, что многіе свѣтскіе, современ-ные намъ писатели часто усиливаются живописать пороки въ такихъ двусмысленныхъ чертахъ, что невозможно разо-братъ, хорошъ ли онъ или худъ, но ясно можно видѣть, что онъ пріятенъ..... и въ жизни чело-вѣка какъ будто естественъ. Это именно и есть причина, почему умамъ неопытнымъ опасно безъ разбору дозволить чтеніе свѣтскихъ книгъ. Нѣ-которые моралисты простираютъ строгость требованій до того, что даже и пастырямъ безъ всякаго ограниченія вос-спрещаютъ входить въ область свѣтской литературы. „Нужно замѣтить, пишетъ авторъ одной статьи, что книги против-ныя святой добродѣтели и безнравственныя всѣ рѣшительно безъ исключенія запрещаются священнику. Никакая при-чина, никакой предлогъ не могутъ дать ему права читать, коль скоро онъ знаетъ, что то или другое сочиненіе со-блазнительно и вредно по содержанію. Остановитесь, держа пагубную книгу въ своихъ рукахъ. Если вы имѣли счастье доселѣ оставаться невинными, вы вдругъ же перестанете быть невинными, если вы виновны, вы сейчасъ упадете въ бездну погибели, довершите ваше развращеніе и поставите сильную преграду вашему возвращенію къ добродѣтели“. Отдавая справедливое уваженіе благонамѣренности автора, мы однакожь почитаемъ не излишнимъ предложить нѣ-сколько вопросовъ по поводу настоящаго дѣла. Ужели всѣ священнослужители неопытны и слабы при встрѣчѣ съ соб-лазномъ, что первая безнравственная книга можетъ увлечь ихъ въ погибель, подобно тому баснословному животному, котораго одинъ взглядъ наносилъ всякому смерть? и если они такъ слабы, то какъ они могутъ быть свидѣтелями ис-

повѣди, гдѣ разсказывается уже не столько, сколько пишется въ книгахъ? Далѣе, всѣ ли безнравств. книги такъ безнравственны, чтобы въ нихъ не оставалось болѣе ничего нравственнаго, ничего справедливаго, ничего полезнаго? Если же въ книгѣ только нѣсколько мыслей нечистыхъ, зачѣмъ пятнать ее клеймомъ безнравственности? Если даже и цѣлой книгѣ дано превратное направленіе, то развѣ не можетъ встрѣтиться причинъ, побуждающихъ взять ее въ руки? Книги еретическія вредны: можно ли запрещать пастырямъ читать ихъ? Тамъ, скажутъ, нужно узнать ихъ для того, чтобы опровергать ихъ: но развѣ нравственныхъ заблужденій пастырю не нужно знать, чтобы успѣшнѣе противъ нихъ бороться? Многое, конечно, пастырь можетъ слышать на исповѣди: но если ему нужно преслѣдовать пороки въ самомъ ихъ источникѣ, то надобно ему уяснить себѣ общія причины современнаго растлѣнія нравовъ, подробности котораго слышитъ онъ на исповѣди. А извѣстно, что свѣтскія книги часто служатъ не только зеркаломъ современной нравственной жизни общества, но и тайнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ основаніемъ, почему жизнь общественная увлекается пристрастіемъ къ тому, а не другому пороку. Ужели же пастырь долженъ закрыть глаза отъ книги, которая ходитъ въ его приходѣ, которую читаютъ всѣ, какъ книгу нравственную, между тѣмъ какъ она дѣйствительно пропитана ядомъ порока? Не долженъ ли пастырь даже внимательно прочитать ее, чтобы разоблачить ее предъ всѣми? Поэтому мы заключаемъ, что пастырь неопытный и далекій отъ того общества, гдѣ царствуетъ порокъ въ утонченныхъ его видахъ, можетъ удерживаться отъ чтенія вольно писанныхъ книгъ съ такою же для себя пользою, сколько спокойно и безгрѣшно пастырь опытный можетъ рѣшиться на чтеніе ихъ, когда потребуютъ того обстоятельства.

Сергій, Митрополитъ Московскій.
